

Николай Ильин

Преодоление безвременья (послесловие к публикациям)

Безвременье – сугубо русское слово, для которого трудно найти эквивалент в языках других народов «с собственной метафизикой». Слово, которое ясно выражает интуитивное понимание того, что самые жалкие «времена» в жизни нации – это, по сути своей, времена, *вытавшие из времени*. Поэтому можно сказать, что дух русского народа побуждал мыслителей, верных этому духу, размышлять о *значении времени*, а не воспарять в высоты «сверхвременного», где философы издавна укрывались от проблемы времени.

Два таких небольших размышления редакция «Философской культуры» предложила вниманию своих читателей. Каждое из этих размышлений исключительно насыщено, и при первом чтении легко упустить из виду отдельные «элементы» их содержания. Попробую выделить те из них, которые представляются мне наиболее важными.

В статье Н. Н. Страхова (а, точнее, в главе из незавершенной работы) ее связующим элементом является, несомненно, понятие *одновременности*, или «настоящего времени», в котором *едино все сущее*: «Для Бога и ангелов, для бесконечно далеких и недоступных миров мгновение настоящего то же самое, как и для меня». Это ключевое для понимания времени положение было высказано русским мыслителем еще тогда, когда только намечалась (в работах Э. Маха и А. Пуанкаре) *гипотеза «относительности одновременности»*. Гипотеза, ставшая после «мысленных экспериментов» А. Эйнштейна с фиктивными «световыми часами» тем *догматом*, который в корне разрушил *единство мира*, как, по сути дела, и предсказывал Страхов. Но не просто предсказывал, а отмечал и самое уязвимое место в традиционных «научных» представлениях о времени: «механическое изображение времени».

Тончайший анализ этого «изображения» в работе Страхова актуален не только с точки зрения критики «теории относительности» (*самой механистической* из всех механистических теорий). Страхов затрагивает и проблему, которую сегодня принято связывать не с «чистой механикой», а с термодинамикой, которая путем «синергетической» мутации превратилась чуть ли не в «фундамент» пресловутого «научного мировоззрения». Речь идет о проблеме *направления* времени. Страхов ясно показывает, что «направление времени» – это вопрос не физики, а *метафизики*, причем

метафизики, прямо связанной с нашим взглядом *на человека*. Трактовка, при которой время *однозначно* направлено *от прошлого к будущему* (прославленная «стрела времени» *позитивиста* Ганса Рейхенбаха), – это трактовка, обусловленная метафизикой, для которой человек является лишь одним из множества *объектов*, «уносимых временем» в неизбежном направлении к *смерти*. Подобная «стрела», естественно, не допускает *альтернативы*, связанной вовсе не с «обратимостью времени в механике», а с тем, что человек сознаёт себя *субъектом*, тем «неподвижным центром бытия», который *пребывает* в потоке времени, но пребывает не пассивно, а претворяя *неопределенное будущее в определенное прошлое*. Или другими словами, субъект, для которого время, *текущее в прошлое*, обретает смысл как *память* и *ожидание* (или *надежда*) – два важнейших модуса человеческого *самосознания*.

Заметим, что Страхов не отвергает и «объективное» понимание времени; он ясно видит, что *полнота* времени раскрывается в сочетании объективного и субъективного взглядов¹. Та полнота времени, которая только и сообщает смысл слову «вечность». Вечность, не лежащая «за пределами времени», но *обретаемая во времени*, ибо «мы ничего не можем признать существующим вне времени» (если *правильно* смотрим на время) – *даже вечность*. И в этом глубоко *гуманном* взгляде на соотношение времени и вечности проявляется, на мой взгляд, глубинная суть *русского христианства*².

Не случайно и желание нашей редакции познакомить читателя со статьей С. А. Аскольдова (Алексеева) (1871–1945), философа сложной и драматической судьбы, о которой надо говорить особо³. А сейчас подчеркну: в XX веке Сергей Алексеевич Аскольдов был одним из очень немногих мыслителей, сохранивших *творческую преемственность* к русской национальной философии XIX века. Это почувствовал, несомненно, и внимательный читатель статьи «Время и его преодоление». Для Аскольдова, как и для Страхова, понятие времени теряет смысл, если отрицается то «единое *сейчас*» (или «общемировое *теперь*»), которое составляет ключевой элемент настоящего, или *абсолютного* времени. Так же, как и Страхов, он находит первоисточник отрицания времени в

¹ Хотя это сочетание не отменяет, конечно, *метафизический примат* субъекта.

² К метафизике времени в трудах Н. Н. Страхова я вернусь при рассмотрении его философской антропологии в продолжении второй части «Трагедии русской философии».

³ См. мое предисловие к переизданию книги С. А. Аскольдова «А. А. Козлов» (СПб., 1997).

попытках сделать *мерой* времени *движение в пространстве*. Конечно, в отличие от Страхова, Аскольдов уже отчетливо видел пагубность этих попыток (и для науки, и для философии) на примере «теории относительности», фактически «канонизированной» к началу 1920-х годов. Тем не менее, поражает та ясность, с которой Аскольдов улавливает самую суть проблемы. Движение (а точнее, *перемещение*) в пространстве всегда *относительно*, как установила еще подлинная, *классическая* физика. Но если так, то *измерение* времени с помощью движения превращает и само время в нечто относительное. Превращает, строго говоря, *по определению*; поэтому разговоры о каких-либо «экспериментальных доказательствах» относительности времени *лишены всякого смысла*. Любые «доказательства» того, что фактически принято за аксиому, всегда заключают в себе порочный круг, *circulus vitiosus*. Кратко говоря, если мы измеряем *абсолютное* (время) с помощью *относительного* (движения), мы неизбежно *превращаем* самим актом измерения абсолютное в относительное. Это понимал великий Ньютон (на которого ссылается Страхов⁴), это понимали и Страхов, и Аскольдов (получившие, кстати сказать, естественнонаучное образование), но этого до сих пор не понимают те физики и философы, которые изображают «критику специальной теории относительности» если не бесполезным, то якобы крайне мудрёным делом.

Я выделил «ясное как Солнце» *опровержение* физического релятивизма в статье Аскольдова по понятным причинам; но этим опровержением его статья отнюдь не исчерпывается. В высшей степени интересен данный Аскольдовым анализ концепции времени у Канта; в ходе этого анализа Аскольдов выявляет главное *слепое пятно* в мировоззрении немецкого мыслителя: непонимание *принципиального различия* между «внутренним» и «внешним» опытом, между самопознанием и миропознанием. И здесь читателю в высшей степени полезно сопоставить размышления Аскольдова с размышлениями Страхова в работе «Об основных понятиях психологии». Размышления, которые отнюдь не во всем *совпадают*, но, что значительно важнее для развития русской мысли, *дополняют* друг друга.

И последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. В современных справочниках «по русской философии» С. А. Аскольдов причисляется, ничтоже сумняшеся, к «русской религиозной философии», то есть фактически к «философии всеединства». Заключительный раздел статьи Аскольдова ясно опровергает подобное «причисление». Здесь он

---

⁴ В примечаниях к публикации Страхова я привожу полностью соответствующее место из «Математических начал натуральной философии».

рассматривает попытку яркого представителя «философии всеединства» Л. П. Карсавина (1882–1952) *заменить* время некой «всевременностью». Для читателя, не знакомого со статьей Карсавина, отмечу, что ее наиболее занимательная (и по сути основная) часть связана с *обоснованием* «всевременности» при помощи ... Нострадамуса (1503–1566), французского «прорицателя» (еврея по этнической принадлежности), чьи «предсказания» настолько витиеваты и невразумительны, что их можно, при наличии большого желания, увязать с каким угодно историческим событием⁵. Что касается теоретического обоснования своей концепции, то здесь Карсавин опирается – как на некий незыблемый принцип – на так называемое «совпадение противоположностей» в бытии Бога. Это позволяет ему рассуждать о времени в выражениях типа «движение стойкое» (в смысле – «движение неподвижное») и «стояние подвижное» – в выражениях, которыми развлекались весьма любимые Карсавиным средневековые схоласты. Другими словами, по мнению Карсавина, время нельзя «осмыслить», не вступая *в противоречие с логикой*. Аскольдов деликатно, но решительно и совершенно недвусмысленно отвергает это мнимое глубокомыслие, возведенное «религиозной философией» в некий *метод мышления* (под именем «антиномизма»)⁶. Он пишет: «Природа мысли такова, что она нигде не может потерпеть существования противоречия в логическом смысле». В этом убеждении С. А. Аскольдов также продолжал – в эпоху *безвременья* – дело русской национальной философии. И хотя это дело пытались и пытаются насильственно *прервать*, оно совершалось и совершается мыслящими русскими людьми, которые знают, что для поиска истины всегда *есть время*.

---

⁵ Нельзя не отметить, с чувством сожаления, что увлечение Нострадамусом весьма распространено сегодня в «патриотических кругах».

⁶ Характерно, что «религиозная философия» вполне солидарна здесь (да и в ряде других отношений) с «диалектическим материализмом», что, впрочем, не слишком удивительно, поскольку изрядная часть «русских религиозных философов» вышла из рядов марксистов.